

Халида Алаббас Гызы Бабашова ▶

Бакинский славянский университет

Несистемные (креативные) формы употребления пословиц и поговорок (на материале русского и азербайджанского языков)

Abstract

The article studies text non-systems forms of paroemiological units. These forms are the main criteria to determine the dominant (primary) forms and systematic variants of paroemiological units. The possibility of these mentioned non-systems (creative) forms, first of all, proves paroemias to be fixed language units of social character as phraseological constructions.

Keywords: proverb, saying, creative form, unsystematic

Аннотация

В статье рассматриваются внутритекстовые несистемные формы паремиологических единиц. Это является важным критерием для определения доминантных (первичных) форм паремиологических единиц и их системных вариантов. Возможность существования несистемных (креативных) форм доказывает в первую очередь, что паремиологические единицы, будучи стабильными, носят социальный характер.

Ключевые слова: пословица, поговорка, креативная форма, несистемность

В данной статье рассматриваются несистемные формы паремиологических единиц в русском и азербайджанском языках. Сразу же приведем несколько примеров, чтобы наглядно представить,

о каких конструкциях идет речь: 1. Знал бы, где упаду, соломки бы накурлся (Мокиенко, Вальтер, 2006, с. 273) (Кабы знал, где упаду, так соломки бы подостлал); 2. Встречают по одежке, провожают по степени ее дефицита (Мокиенко, Вальтер, 2006, с. 493) (Встречают по одежке, провожают по уму); 3. *Büdcəni payızda sayarlar* (AzTv, 2008, 18.03) (*Cücəni payızda sayarlar*); 4. *Şöhrətinin yükünü düşündünmü bəs?! Min şöhrət bir borcu ödəyə bilməz* (B.Vahabzadə. *Xətəli yuxu*). (*Min fikir bir borcu ödəyə bilməz*); 5. *Atalar yaxşı deyib: oxuyan müğənniyə tövbə yoxdur* (AzTv. *Bakılı oğlanlar*, 10.10.09) (*Hərzə ağıza tövbə yoxdur*).

Отмеченные несистемные формы, как видно, обнаруживают свою контекстуальную адаптацию, т.е. индивидуально-авторское «творческое» применение на фоне тех конструкций, которые являются общеупотребительными, общеизвестными: в этих формах (известных всем носителям языка) они воспроизводятся, в этих формах они представляются в лексикографических источниках. Поэтому системные формы являются языковыми, а несистемные – индивидуально-авторскими образованиями (Гамидов, 2001, с. 223). Системные формы являются своеобразным плацдармом для возникновения всевозможных речевых употреблений.

В последние десятилетия как в русском, так и в азербайджанском языках прослеживается становление общезыковой тенденции (особенно ярко она проявляется в публицистике) генерации и использования креативных форм устойчиво воспроизводящихся единиц языка – всех разновидностей паремioфразеологических единиц (пословиц, поговорок, крылатых выражений, общеизвестных афористических выражений и т.д.), а также устойчивых терминологических и номенклатурных обозначений, например: «Так нам и НАТО»; «Бесполезные ископаемые»; «Министерство нижайшего образования» и т.п.

Произвольно-«творческие» изменения в структуре и семантической организации устойчивых словесных комплексов, создающие особый прагматический эффект, имеют очень широкий спектр действия – от лексемы до единого синтаксического целого. Эти разнообразные по своим целям и способам оформления изменения уже давно привлекают исследовательский интерес как с точки зрения языковой системы (семантика, структура), так и с точки зрения их функциональной (социолингвистической) сущности. По этой при-

чине в теории существует уже целый ряд определений и не менее широкий ряд терминологических обозначений, квалифицирующих те или иные формы проявления этого «широкозначного» явления.

В отношении к этим формам применяются терминологические обозначения «окказиональные формы», «несистемные формы», «реминисцентные употребления или текстовые реминисценции» (Супрун, 1995, с. 88–97), «прецедентные тексты», «ожившие по-новому стандарту», «перифрастические выражения» и т.д. «В сущности, всякое намерение необычного использования языка (например, для создания художественного эффекта) – это языковая игра», – пишет В.З. Санников (Санников, 1999, с. 3). Автор включает в сферу языковой игры и процесс перефразирования паремиологических единиц, который реализуется в абсурде, парадоксе, иронии (Санников, 1999, с.4).

Однако В.З.Санников языковую игру понимает очень широко: в нее он включает и новообразования, не имеющие прецедентных основ («Женщины подобны диссертациям: они нуждаются в защите»), и креативные формы («Яблоко» укатилось далеко от яблони. Выборы для этой партии закончились неудачей»; «Победителей осудят») и т.д.

Во всех случаях происходит, как отмечает В.Г.Костомаров, специфический конфликт экспрессии со стандартом, в котором сила экспрессии превалирует над семантикой стандарта (Костомаров, 1971, с. 90). Для того, чтобы по мере возможности полнее представить процесс модификационной креативности паремийных конструкций, рассмотрим основные виды их конструктивно-семантических «новаций», которым они подвергаются в языке-речи.

1. *Деконцептуализация паремиологической конструкции.* При деконцептуализации паремия как бы растворяется в авторском тексте, «заземляется» так, что неискушенный читатель во многих случаях не подозревает использование пословицы или поговорки. Инвариантно-концептуальное значение пословицы или поговорки нейтрализуется, очень сильно «стирается», приобретая в конкретном тексте глубоко денотативное значение, конкретно-коммуникативное значение:

- Kərbəlayi Fəttah bu çağında cavan gəlinə meyil salır. Utanmağına utanmır, nə də ki qaysava sovdasında olan körəklər kimi şaxışı

sıldırımır (S. Rəhimov. Şamo. III cild, 12 fəsil). Ср.: İtin axmağı (əbləhi) qaysavadan pay umar (Hüseynzadə, 1985, с. 372–373).

- Я не хочу в руках синицу, / меня уносит журавель. / Мне царскосельский мостик снится, / клавиатурный, как Равель (А.Вознесенский. Огонек. № 40, 13.10.2002, с. 13).

Инвариантное (то, что представлено в словарях-сборниках) значение теряет свое обобщенное, глобализирующе-сентенциозное назначение; конструкция («Лучше синица в руке, чем журавль в небе») приобретает в рассматриваемом тексте конкретное, присущее данному случаю значение, теряя тот смысл, который «сотворил» эту пословицу, т.е. за счет чего она и стала пословицей (Гамидов, 2001, с. 220–226).

Как видно, внутриконтэкстные формы напоминают о существующих в языке пословичных конструкциях несколько отдаленно, как реминисценции пословиц «İtin axmağı qaysavadan pay umar» и «Лучше синица в руке...».

2. *Структурно-семантические пародии* также представляют особую форму «деградации» паремиологических конструкций. В этих случаях в основу модификации пословиц кладется лишь структурная схема общеизвестной паремиологической единицы. Иногда для облегчения восприятия паремической семантики в новом тексте используется некоторый элемент из лексического наполнения исходной, этимонной формы пословицы: 1) «Если Шаймиев не идет к закону, то закон идет на фиг» (Московский комсомолец, № 230, 2008). Ср.: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе»; 2) *Canım, ruslar cardan əl çəkdi də, müsəlmanlar əl çıkmırlər* (J.B. Çəmənəminli. *Stüdenlər. 3 hissə*). Ср.: *İt motaldan əl çəkdi, motal itdən əl çəkmədi*.

Процесс инновационного использования структурных схем сложных паремиологических единиц как в русском, так и в азербайджанском языкознании не изучался. Он ждет своего теоретического осуждения в пределах «синтаксической фразеологии», но до сих пор фрагментарно рассматривается на общем фоне приемов языковой игры. Нам представляется, что данное явление должно быть изучено в рамках актуализации (вторичного «оживления») семантических структур определенных синтаксических единиц; сравним еще некоторые факты такой синтаксической актуализации: 1) *Yaxşı, atan*

məmur, çarın sadıq məmuru, anan Mehdi xanın qızı – bəs bu menşeviklik səndə hardan çıxdı? (Y.V. Çəmənzəminli. *Stüdentlər*, III hissə, 10 fəsil); – Atan bəna, baban kəndəçi, daha biz dönüb gülbəşəkər ola bilmərik ki?! (S. Rəhimov. *Ana abidəsi*. I hissə, VIII fəsil) = Atan soğan, anan sarımsaq, sən bəs hardan oldun gülbəşəkər?! (Hüseynzadə, 1985, с. 79). 2) «В этом уверены, но все же пускаете разные слухи, – вероятно по логике старого охотника, который сам не стреляет из ружья, и другим не дает, а только ворчит и кряхтит, лежа на печке» (А.П. Чехов. *Письмо Л.С. Мизиновой*. 21.09.1898) = «Как собака на сене: ни сама не ест, ни другим (корове) не дает» (Аникин, 1988, с. 289); «Лучше пиво в руке, чем девица вдалеке» (рекламный текст) = «Лучше синица в руке...»

Коммуникативно-прагматические преобразования устойчивых словесных комплексов в последнее время изучаются интенсивно. Однако во многих случаях данные модификации трактуются по-разному, и названия этим процессам даются не одинаковые. Так, например, Е.А. Добрыднева отмечает два основных вида подобных модификаций: а) преобразования, сохраняющие тождество устойчивой конструкции и «закрепленные узусом как «варианты или вариации»; б) «преобразования ситуативные, вызванные определенными установками говорящего в конкретном акте вербальной коммуникации» (Добрыднева, 2000, с. 237).

В этом ключе особый научный интерес представляют «парадигматические» модификации паремиологических единиц. Эта форма преобразований отмечается тем, что в определенных условиях коммуникативной ситуации используется не сентенциозная, не инвариантная (социально известная) форма паремиологической единицы, а ее авторски установленная модальная форма, которая составляет одну из «парадигматически» актуализированных форм. Известно, что паремиологические единицы составляют в основном сферу констатирующего мышления (Гамидов, 2001, с. 127), для которого не характерны иные целеустановки, кроме повествовательных форм. Но иногда авторизация паремиологических конструкций происходит и по линии их деструктуризации – паремия переделывается в вопросительное или побудительное предложение. При этом такое превращение затрагивает и структуриацию паремии – новая форма требует новой модальной оценки, а она, в свою очередь, новых приемов по-

дачи старого смысла: 1) «Çığırma, yat, ay ac toyuq, yuxunda çoxca dari gör!» (М.Ə. Sabir. Tömeyi-nahar) = «Ac toyuq yuxusunda dari görər!»; 2) «Ayə, bəs niyə anqırıb tayını tapmırsan?» (İ. Məlikzadə. Gək qohum olaq) = «Eşşək anqırar, tayını tapar».

Использование императивной модификации пословицы «Ac toyuq yuxusunda dari görər» в поэтическом тексте выполняет определенные авторские (идиостилевые) функции, состоящие из целого комплекса. Поэт вкладывает в эту повелительную форму предложения несколько семантических зарядов – и иронии («Ac toyuq yuxusunda dari görər»), и упрека («Yat qal, dala lay-lay»), и даже известную долю предупреждения («Yatmısan fil qulağında, dünyadan xəbərin yox»). Словом, монофункциональная паремия использована в форме (изменен модус высказывания), которая позволяет достичь эмоционально-семантического эффекта полифункциональной единицы. Ср.: «Söyləyir, get bu duanı oxu öz canın üçün» (М.Ə. Sabir. Vermirəm, a...!) = «həgə (Molla da) öz canına dua oxuyur».

Очень часто при авторизации паремиологических единиц, происходит их контекстуальная адаптация, объединение всех вышеотмеченных приемов: – Qışqırmısan, neynəsin, oğru gərək qışqıra... Qışqırır ki, doğrunun qorxub bağı yarılısın (B. Vahabzadə. Ləyaqət) = Oğru elə qışqırır ki, doğrunun bağı yarılır.

Эти случаи имеют самую прямую связь с теми конструктивно-семантическими изменениями, которые характерны и типичны для объекта нашего внимания – для иронических паремий.

ХАЛИДА АЛАББАС ГЫЗЫ БАБАШОВА

Бакинский славянский университет
Азербайджан 1014, ул. Сулеймана Рустама, 25, Баку
xalide21@rambler.ru

KHALIDA ALABBAS GYZY BABASHOVA

Baku Slavic University
Az 1014, 33 S. Rustam str., Baku
xalide21@rambler.ru

Литература

- Аникин, В. П. (1988). *Русские народные пословицы и поговорки*. М.: Художественная литература.
- Гамидов, И. Г. (2001). *Философия грамматики пословиц и афоризмов*. Баку: Сабах.
- Добрыднева, Е. А. (2000). *Коммуникативно-прагматические преобразования фразеологизмов*. Тула.
- Костомаров, В. Г. (1971). *Русский язык на газетной полосе (Некоторые особенности языка современной газетной публицистики)*. М.: Изд-во МГУ.
- Мокиенко, В., Вальтер, Х. (2006). *Прикольный словарь: антипословицы и антиафоризмы*. СПб.: Изд. Дом «Нева».
- Санников, В. З. (1999). *Русский язык в зеркале языковой игры*. М.: Языки русской культуры.
- Супрун, А. Е. (1995). Текстовые реминисценции как языковое явление. *Вопросы языкознания*, 6, 1995, 88–97.
- Hüseynzadə, Ə. H. (1985). *Atalar sözü*. Bakı: Yazıçı.